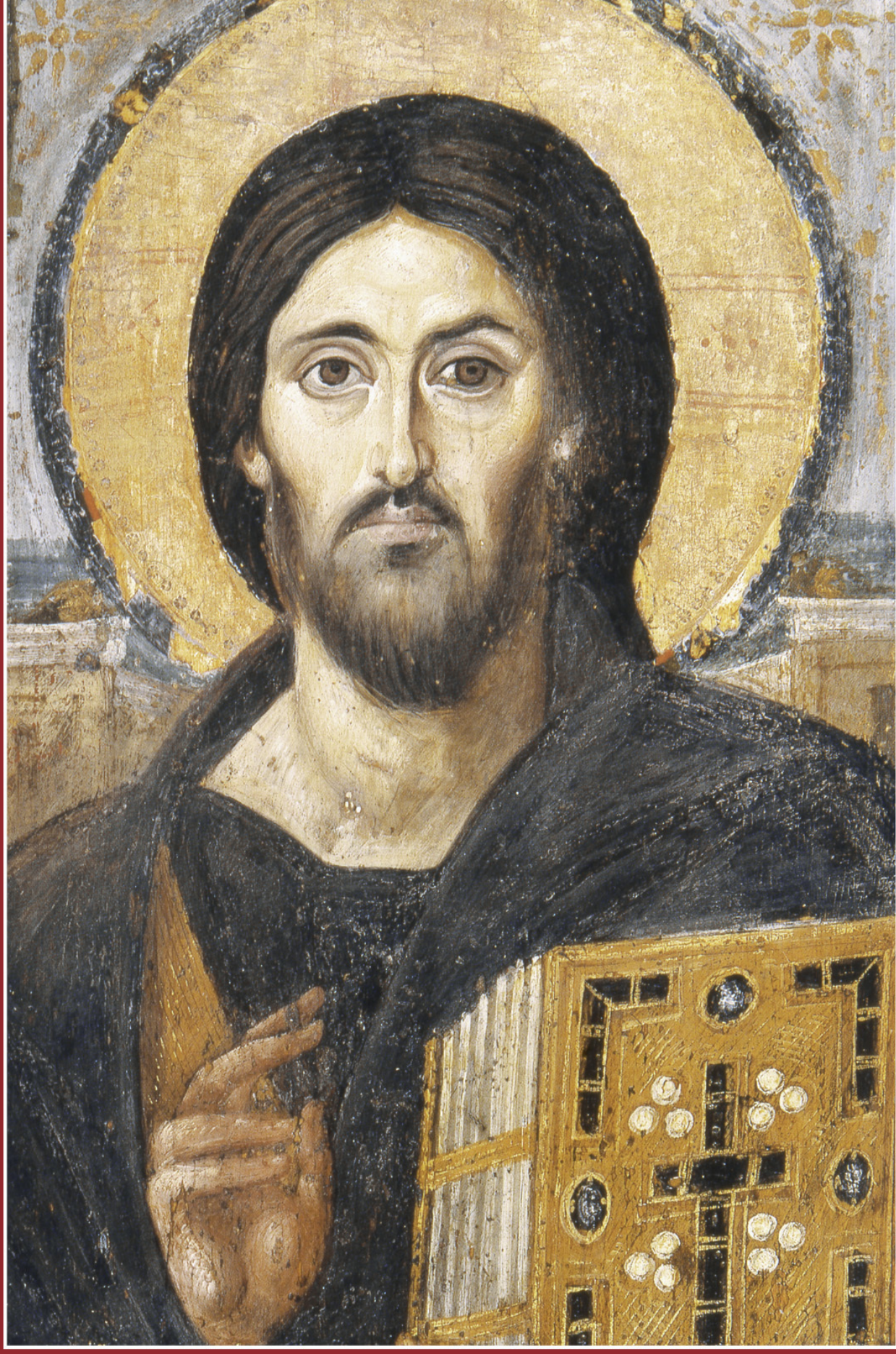


АЛЕКСАНДР МЕНЬ • ХРИСТИАНСТВО



Александр Мень

Христианство

«Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Меня»

1990

УДК 2
ББК 86

Мень А.

Христианство / А. Мень — «Гуманитарно-благотворительный фонд имени Александра Меня», 1990

ISBN 978-5-903612-30-7

«Христианство бросило вызов многим философским и религиозным системам. Но одновременно оно ответило на чаяния большинства из них. И самое сильное в христианской духовности – это именно не отрицание, а утверждение, охват и полнота»...

УДК 2
ББК 86

ISBN 978-5-903612-30-7

© Мень А., 1990
© Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Меня, 1990

Протоиерей Александр Мень

Христианство

© М. А. Мень, текст, 2012

© Издательский дом «Жизнь с Богом», 2012

* * *

Христианство бросило вызов многим философским и религиозным системам. Но одновременно оно ответило на чаяния большинства из них. И самое сильное в христианской духовности – это именно не отрицание, а утверждение, охват и полнота.

Если буддизм был пронизан страстным стремлением к избавлению от зла, стремлением к спасению – Будда говорил, что как воды морские пропитаны солью, так его учение, *дхарма*, проникнуто идеей спасения, – то эта жажда спасения, обетование спасения присущи и христианству, Новому Завету.

Если в исламе есть абсолютная преданность человека Богу, который является суверенным властелином космоса и человеческой судьбы, то это же самое мы находим и в христианстве.

Если в китайском мирозерцании Небо – *тянь* – является неким ориентиром для человека в жизненных вещах, даже в мелочах, то и это есть в христианстве.

Если брахманизм и индуизм современный говорят о многообразных проявлениях Божественного, то и это есть в христианстве.

Если, наконец, пантеизм утверждает, что Бог во всем, что Он, как некая таинственная сила, пронизывает каждую каплю, каждый атом мироздания, то христианство и с этим согласно, хотя оно не ограничивает воздействие Бога только этим пантеистическим всеприсутствием.

Но мы бы ошиблись с вами, если бы считали, что христианство явилось как некая эклектика, которая просто собрала в себе все элементы предшествующих верований. В нем проявилась колоссальная сила чего-то нового, и это новое было не столько в доктрине, сколько в прорыве иной жизни в эту нашу обыденную жизнь.

Великие учителя человечества – авторы Упанишад, Лао-цзы, Конфуций, Будда, Магомет, Сократ, Платон и другие – воспринимали истину как вершину горы, на которую они поднимаются с величайшим трудом. И это справедливо. Потому что истина – это не та вещь, что легко дается в руки. Она действительно похожа на высокую гору, куда надо восходить тяжело дыша, карабкаясь по уступам, порой оглядываясь назад, на пройденный путь, и чувствуя, что впереди еще крутой подъем.

Я никогда не забуду замечательных слов об истине, которые сказал простой гималайский горец Тенцинг, шерп по национальности, участник первого восхождения на Эверест вместе с англичанином Э. Хиллари. Он говорил, что к горам надо приближаться с благоговением. Так же и к Богу. Действительно, горы требуют особого настроения душевного, чтобы понять их величие и красоту. Истина закрывается от тех людей, которые идут к ней без благоговения, без готовности идти вперед, несмотря на опасности, пропасти и расселины.

Восхождение – такова история человечества. Вы легко мне возразите: а сколько было ступеней, ведущих вниз? Да, конечно, конечно, – и, на первый взгляд, ступеней, ведущих вниз, больше; людей, которые падали и катились вниз, в бездну, больше. Но для нас важно, что человек все-таки поднимался на эти надоблачные вершины. И он тем и велик, человек, что способен был подняться туда, как говорил Пушкин, «в соседство Бога», в горы умственных и духовных созерцаний.

Человек имеет две родины, два отечества: одно отечество – это наша земля и та точка земли, где ты родился и вырос. А второе отечество – это тот сокровенный мир Духа, который око не может видеть и ухо не может слышать, но которому мы принадлежим по природе своей. Мы – дети земли и в то же время гости в этом мире.

Человек в своих религиозных исканиях бесконечно больше осуществляет свою высшую природу, чем когда он воюет, пашет, сеет, строит. И термиты строят, и муравьи сеют (есть у них такие виды), и обезьяны воюют по-своему, правда, не так ожесточенно, как люди. Но никто из живых существ, кроме человека, никогда не задумывался над смыслом бытия, никогда не поднимался выше природных, физических потребностей. Ни одно живое существо, кроме человека, не способно пойти на риск и даже на смертельный риск во имя истины, во имя того, что нельзя взять в руки. И тысячи мучеников всех времен и народов являют собой уникальный феномен в истории всей нашей Солнечной системы.

Но когда мы обращаемся к Евангелию, мы попадаем в иной мир – не в тот мир, который дает нам картину волнующих поисков, порыва к Небу; мы оказываемся перед *тайной ответа*.

Двадцать пять лет принц Сиддхартха Гаутама, будущий Будда, проводил в аскетических усилиях, чтобы достигнуть созерцания. Так трудились – умственно, духовно и психофизически – йоги, философы, подвижники. Но Иисус Христос приходит из простой деревни, где Он вел жизнь рядового человека. В Нем все было готово. Он никуда не поднимался, Он, наоборот, спускался к людям.

Каждый великий мудрец сознавал свое неведение. Сократ говорил: «Я знаю, что я ничего не знаю». Величайшие святые всех времен и народов ощущали себя грешниками гораздо более остро, чем мы с вами, потому что они были ближе к свету и им было каждое пятно на жизни и совести виднее, чем в нашей серой жизни. У Христа нет сознания греховности. И у него нет сознания того, что Он чего-то достиг, – Он приходит к людям, неся им то, что в Нем Самом есть изначала, от природы.

Я должен сразу обратить ваше внимание на то, что Иисус Христос не начал проповедовать христианство как некую концепцию. То, что Он возвестил людям, Он назвал *бесора́*, по-гречески *эвангέλιон*, что значит «радостная весть», «радостное известие».

В чем же заключалось это радостное известие?

Человек имеет право не доверять мирозданию, человек имеет право чувствовать себя в чужом и враждебном мире. Такие современные писатели, как Альбер Камю, Жан Поль Сартр и другие, часто говорили о страшной абсурдности бытия. Нас обступает нечто грозное, бесчеловечное, бессмысленное, абсурдное, и доверять ему невозможно. Холодный, мертвый или мертвящий мир. Правда, я здесь оговорюсь: эти писатели, романисты, драматурги, философы, которые выступали с позиции атеистического мировоззрения – у Сартра и Камю это атеистический экзистенциализм, – как-то не заметили одной вещи: когда они говорят, что мир абсурден, то есть бессмыслен, они это знают только потому, что в человеке заложено противоположное понятие – понятие смысла. Тот, кто не знает, что такое смысл, не чувствует, никогда не поймет, что такое абсурд; он никогда не возмутится против абсурда, никогда не восстанет против него: он будет в нем жить, как рыба в воде. И именно то, что человек восстает против абсурда, против бессмыслицы бытия, и говорит в пользу того, что этот смысл существует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.